

**«В Сараеве жить невозможно»:
сараевский текст vs петербургский текст
(на примере поэзии Абдулаха Сидрана)**

Адията Ибришимович-Шабич

Доктор литературно-исторических наук, профессор

Университет в Сараеве

71000, Франье Рачког, 1, Сараево, Босния и Герцеговина

E-mail: adjijata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba

Елена Баврка

Магистр, ассистент

Университет в Сараеве

71000, Франье Рачког, 1, Сараево, Босния и Герцеговина

E-mail: jelena.bavrka@ff.unsa.ba

Цитирование

Ибришимович-Шабич А., Баврка Е. «В Сараеве жить невозможно»: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 279–292. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

В отличие от *петербургского текста*, генезис и структура, язык и авторы которого хорошо изучены и теоретически обоснованы благодаря трудам Тартуско-московской школы и фундаментальным исследованиям В. Н. Топорова, сараевский текст и его теоретическая основа все еще находятся в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что о Сараеве как о городе, его архитектуре, истории, культуре, улицах и т. д. написано невероятное количество текстов, и на то, что он присутствует в том числе в устной традиции, *сараевский текст* как термин, который мог бы объединить тексты об этом городе в их семантической и семиотической связи, все еще не является общепринятым.

В статье речь пойдет о *сараевском тексте* и о поэзии А. Сидрана: три его центральных сборника (Sarajevska zbirka, Sarajevski tabut, Morija) описывают город как пространство истории, куль-

туры, памяти и свидетельства. Опус Сидрана побудил исследователей осознать важность изучения генезиса и структуры *сараевского текста*, что указывает на необходимость определения этого термина в более широком смысле. Следовательно, поэтика города Сидрана для *сараевского текста* представляет собой то же, что и произведения Достоевского, по утверждению Топорова, представляют для *петербургского*.

Ключевые слова

Сараевский текст, петербургский текст, поэзия Абдулаха Сидрана, топос города Сараева.

Введение

В пространстве города по его исторической оси идут настоящие войны памяти.

Энвер Казаз

Если, как пишет Владимир Николаевич Топоров, становление и развитие *петербургской темы* в контексте русской литературы, включая природные, культурные и цивилизационные явления Петербурга, длились более века (сегодня можно уже сказать — около двух веков), то *сараевская тема*, ее становление и развитие в контексте литературы Боснии и Герцеговины начинается примерно так же, как и петербургская тема, — с момента основания города, длится по сей день и будет продолжаться, развиваться в будущем.

Подобно Санкт-Петербургу — новой столице, возникшей волею одного человека, — Сараево возникло, условно говоря, волею одного человека — Исы-бега (Исы-бея) Исхакевича, заложившего основы «одного из красивейших городов мира на западных границах (тогдашней) Османской империи»¹, с той разницей, что город Сараево построен не на *пустом месте*, как Санкт-Петербург.

Хотя археологически доказано, что корни формирования Сараева берут начало в доисторические времена, Сараево как узнаваемое городское урбанистическое целое было основано в XV в. Годом основания города считается 1462 год, а старейшим источником для

¹ Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva // Crnice iz historije, 30.01.2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivač-sarajeva/> (дата обращения: 13.09.2021).

изучения Сараева является *Вакуфнама* — завещание Исы-бега Исхаковича, в котором этот санджак-бег и военачальник заложил основы будущей столицы. В тот момент, учитывая историю и средневековой Боснии, и еретической Боснийской церкви, начинается история этого своеобразного «лиминально-гибридного литературно-культурного пространства, расположенного как в реальной, так и в символической культурной топографии между Востоком и Западом» (как Санкт-Петербург между Россией и Европой), начинается история о топосе, «месте встреч, пересечения и взаимодействия разных миров и их литературно-культурных традиций»².

Для *сараевского текста* в контексте литературы Боснии и Герцеговины, т. е. ее составляющих (бошняцкой, хорватской, сербской, еврейской и других литературных традиций), который подразумевал бы тщательное исследование литературной репрезентации феноменов этого города (природных, культурных, цивилизационных) в совокупности текстовых следов о нем, можно сказать, что он находится еще только в стадии становления, но все-таки, как и *петербургский текст*, представляет чрезвычайно интересную и интригующую область / топос, как для художественной практики, так и для самых разных литературоведческих и научных исследований.

1. Начала

По словам боснийско-герцеговинского историка литературы Нэжрудина Рэбихича, литературная (ре)презентация Сараева начинается с устной литературной традиции. В лирических и эпических песнях и преданиях, помимо изображения Сараева как реального топоса, с описанием городских площадей, улиц, парков, город (даже тогда) изображался и в качестве символического топоса: «белый город, пустой город, твердый город»³.

Мы можем говорить о том, что топос Сараева хранит память об исторических и культурных изменениях, которым он подвергался в историческом процессе: благодаря этому в произведении создается метафорический топос *перекрестка* как уникального места встреч и расхождений. Поэтому топос Сараева можно понимать в том числе как топос конфликтных социальных и общественных отношений,

2 Kodrić S. Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti. Sarajevo, 2012. S. 387.

3 Ср.: *Rebihić N.* “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana // Pismo. Časopis za jezik i književnost. 2014. God. 12. S. 187.

что является одной из характерных черт *сараевского текста* и всего *боснийского текста* как такового. Город как топоним такого рода характерен и для произведений великих мастеров *петербургского текста*.

Кроме того, для *сараевского текста* важны, по словам Рэбихича, «и тексты (высказывания) поэтов о Сараеве на ориентальных / восточных языках, особенно литература Альхамиадо» [рукописи на боснийском языке арабскими буквами. — А. И.-Ш.], «в которых Сараево трансцендирует в метафору рая, райского сада, то есть джанны»⁴.

Особое место в *плетении сараевского текста* «занимает Летопись Мула-Мустафы Башескии»⁵ — первая полная книга памяти Сараева (книга Сараева)⁶, которому Абдулах Сидран посвящает стихотворение «Башеския» в «Сараевском сборнике». В данном стихотворении Сидран как бы принимает на себя роль летописца и говорит его голосом, то есть использует приемы, встречающиеся в Летописи Башескии.

Напоминаем, что в Летописи⁷ Башескии, в которой впервые устанавливается топоним города Сараева, образ города представлен через *поэтику свидетельства*, которая является определяющим фактором и константой *сараевского текста*, наряду с *поэтикой воспоминаний*, т. е. культурой памяти, что можно проследить на примере поэзии Сидрана.

Если, как пишет Топоров, «Петербург познавал самого себя не столько из описания реалий жизни, быта, своей все более и более углубляющейся истории, сколько из русской художественной литературы»⁸, то

4 Ibid. S. 187.

5 Мула Мустафа Башеския (Сараево, 1731 или 1732 — Сараево, 18 августа 1809 г.) — боснийско-герцеговинский летописец, поэт, каллиграф и собиратель народных и культурных ценностей. Летопись Мула Мустафы Башескии имеет большое культурное значение, так как представляет историю Сараева и Боснии во второй половине XVIII в. Летопись написана на турецком языке и включает в себя хронику нескольких десятилетий, в которой описаны бытовые и исторически важные события.

6 *Rebiić N. "Sarajevski tekst" u poeziji Abdulaha Sidrana. S. 187.*

7 В хронике общественной жизни Сараева мы узнаем, кто женился, кто умер, кто ушел на войну, когда был голодный год, когда город разоряла чума. Башеския рассказывает подробно об экономической жизни города, ремеслах, торговле и т. п. Большая часть Летописи относится к гибели его сограждан. URL: <https://akos.ba/bosnjacke-lektire-mula-mustafa-baseskija-ljetopis-sto-sepamt-i-nestaje-sta-je-zapisano-ostaje/> (дата обращения: 10.09.2021).

8 Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 5.

Сараево познавало самого себя прежде всего из истории (литературовед Санин Кодрич пишет, что литература Боснии и Герцеговины — это преимущественно литература повествования о прошлом)⁹; Сараево познавало самого себя из истории как повествования / истории как повести, и только после войны 1992–1995 гг. — из литературно-художественной репрезентации, что в итоге породило интерес и привело к более подробному исследованию топоса Сараева и сараевского текста в контексте современных литературно-теоретических исследований, в том числе теории культурной / культуральной памяти.

На данный момент нам известны только два боснийскогерцеговинских исследователя, которые употребили в двух своих работах понятие *сараевский текст*. Это Санин Кодрич, который в книге «Литература воспоминаний: Культуральная память и репрезентация прошлого в современной бошняцкой литературе» (Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književosti) в связи с творчеством Сидрана пишет, что в его поэзии «боснийский текст особым способом конденсируется в сараевском»¹⁰, и Нэхрудин Рэбихич в статье под названием «Сараевский текст в поэзии Абдулаха Сидрана» (см. список литературы).

2. «В Сараеве жить невозможно»¹¹

Поэзия Абдулаха Сидрана пленяет своей простотой, доступностью, тенденцией к обобщениям, нарративностью. Поэтому мы решили начать с простого стихотворения, первая строка которого послужила названием данной статьи. Это стихотворение не считается хрестоматийным или знаковым для творчества Сидрана, так как в сущности не демонстрирует его поэтическое мастерство, но мы выбрали его в качестве примера именно из-за его «нехресто-

9 «В ракурсе “культурно-мемориальной истории литературы” бошняцкая, как и вообще составная полицентричная боснийскогерцеговинская литература, является по большей части, хотя и не целиком, *литературой истории*, литературой “повествования о прошлом”» (Kodrić S. Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književosti. S. 392).

10 Ibid. S. 185.

11 Sidran A. Odabrana poezija — Abdulah Sidran // Sarajevske sveske, № 15–16, 2007. S. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (дата обращения: 21.09.2021).

матийности», поскольку в нем представлено специфическое отношение лирического «я» к конкретному городу, его современному состоянию и поскольку в нем отразился особый дух Сараева и его жителей.

* * *

В Сараеве жить невозможно.
В Сараеве когда живешь, слишком много
времени тратишь.
Пока туда, пока сюда — проходит утро.
Пока то, пока сё — и день ушел.
Да, впрочем, всё это — бывает среди людей.
И бывает из этого, в основном, красивая история. Но историей на
жизнь не заработаешь.
День есть день, работа есть работа, а время — деньги, говорят.

Так или иначе, чтобы в подробности не вдаваться, это правда:
сложно
жить в Сараеве. Три шага сделаешь — семьдесят человек
невооруженным глазом увидишь. Обнять чтобы каждого,
некоторым чтобы
руку пожать, чтобы просто хорошенько взглянуть на двоих,
должно было бы
— три жизни иметь.

Поэтому — как ни поверни — невозможно жить в Сараеве. От
добра — головная боль.
Необходимо
немедленно, на высоком мировом уровне, построить совершенно
новое Сараево, где можно было бы жить.

Когда, даст Бог, сделают это —
пусть его география останется прежней, пусть останется прежней и
Миляцка эта, прекрасная, и не ручей, и не река,
пусть холмы останутся прежними.

Пусть помрут, но не изменятся —
все те люди, которые живут по (всему) Сараеву.

Потому что в нем невозможно жить.
Жизнь коротка для Сараева¹².

12 Перевод: Адията Ибришимович-Шабич.

Принцип экономии языковых средств, эллиптические высказывания, разговорная лексика являются средствами интимизации поэтической речи, в которой передается атмосфера города, в котором «нельзя жить» — из-за людей, их рассказов и историй, из-за объятий, рукопожатий... Относительно скудными языковыми средствами, но при приведении одного топонима (Сараево) и одного гидронима (Миляцка), а также с помощью лексики и выражений, передающих речь, типичную для сараевско-боснийской среды, поэт формирует пространство общения, встреч и дружбы. Настойчивое повторение слов «невозможно жить в Сараеве» придает им парадоксальный, двойной смысл: правда о том, что в душевных посиделках за чашечкой кофе и разговорами обо всем узнается сараевско-боснийский менталитет как типичный, почти стереотипный, тем самым заслуживающий критики, потому что так жить действительно невозможно (на жизнь надо зарабатывать, а посиделками и разговорами на жизнь не заработаешь) — с одной стороны, но, с другой стороны, в строго выборочной градации, в образах объятий, рукопожатий и взглядов на шкале от близких и дорогих друзей до знакомых и, возможно, новых знакомых дана вся человеческая мера жизни.

В стихах о необходимости постройки нового Сараева, что решается «на высшем мировом уровне», чувствуется ирония: кто-то мирового уровня, который приходит и уходит из Сараева, кто-то могущественный, кто правит и управляет, может или даже хочет изменить Сараево таким образом, чтобы это почти карнавальное пространство стало по-настоящему городским, «нормальным», «где можно жить», что в контексте стихотворения в целом означает сделать Сараево местом, где люди работают и зарабатывают и где, в конечном итоге, отдаляются, отчуждаются друг от друга. В этих стихах происходит особая и знаковая смена тона стихотворения — оно становится почти ностальгическим и теплым, когда лирический субъект просит оставить узнаваемыми, прежними природные явления (географию) города (Миляцка, «не ручей и не река, а прекрасная»), холмы вокруг Сараева). В данных стихах как будто устанавливается почти романтическое бинарное противопоставление природного и цивилизационного, но возникает и вопрос: какие люди более естественны — кто «теряет время» среди людей или те, кто знает, что время — деньги?

Необычность стихов «Пусть помрут, но не изменятся — / все те люди, которые живут по (всему) Сараеву» достигается тем, что первая часть «Пусть помрут» по сути — эвфемизм выражения «чтобы все сдохли уже» (так говорит человек, когда что-то его выводит из

себя или когда что-то идет не так, как ему нравится, когда кто-то постоянно отвлекает от работы), свидетельствующий о том, что манера общения людей в Сараево иногда может быть обузой; тогда как вторая часть («но [пусть] не изменятся они») говорит об осознании того, что нигде лирический субъект не захотел бы и не смог бы жить, кроме как с этими и такими людьми и красивыми человеческими историями; больше нигде он не захотел бы и не смог бы жить — кроме как в Сараево. Это подтверждает не только последняя строка: (одна) «жизнь коротка для Сараева», но и последние стихи второй строфы: «должно было бы / — три жизни иметь», — собственно предвосхищающие последняя строка, передающая смысл всего поэтического высказывания: нужно три жизни — такова интенсивность человеческих связей в этом городе (и в любви, и в ненависти), такой жизни — невозможной — требует Сараево. И именно поэтому в Сараево жить невозможно.

Не напоминает ли стихотворение Сидрана те образы Санкт-Петербурга, о которых пишет в своей книге «Петрбургский текст русской литературы» Владимир Топоров, цитируя письмо Николая Ивановича Тургенева: «Далеко жить от Петербурга есть непременно условие, дабы жить спокойно»?¹³

Действительно, трудно найти поэта, который мог бы лучше Сидрана выразить специфический дух города, сараевским, местным языком, но вместе с тем — языком современной европейской поэзии.

«Абдулах Сидран, несомненно, величайший поэт-летописец новейшей истории страны и, благодаря ее природе, Балкан»¹⁴. Синекдохально Сараево — это Босния, Босния — Балканы, а Балканы — мир, поэтому, следуя этой логике, Сидран напишет стихотворение под названием «Планета Сараево», в котором прозвучит: «В космосе / — Имя ему Босния»...

Поэзию Сидрана можно считать своеобразным центром *сараевского текста*, потому что в ней отражаются и взаимоосвещаются прошлое и настоящее, даже будущее города, его история и судьба, дух и язык, и поскольку его своеобразная *поэтика города* в высшей степени интертекстуальна, основана не только на литературных источниках.

По словам Топорова, одним из простейших и наиболее объективных критериев выделения *петербургского текста* в русской худо-

¹³ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 13.

¹⁴ Dželilović M. Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana // Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana. Sarajevo, 2011. S. 3.

жественной литературе (по той же аналогии и *сараевского текста* в литературе Боснии и Герцеговины) является «языковое кодирование», выделение языковых элементов, «выступающих как диагностически важные показатели принадлежности к Петербургскому тексту», т. е. в данном случае к *сараевскому тексту*. Эти элементы — языковые коды, языковые знаки — складываются в концентрированную картину, «беспронизыбно отсылающую читателя к этому “сверхтексту”»¹⁵. Насколько это верно, полностью показывает творчество Сидрана, посвященное топосу Сараева. Примером может послужить потрясший мир «сараевский выстрел», чье эхо до сих пор звучит, выстрел, который породил гиперпродукцию текстов и является лишь одним из исторических моментов, «выгравированных» в *сараевском тексте*. Его отголоски мы, конечно, находим в поэзии Сидрана. Речь идет не только о стихотворениях, в которых воспроизводятся голоса участников исторических событий, как, например, в стихотворении «Браунинг 7,65. Практика стрельбы. Дрожит рука Гаврилы» (Brauning 7,65. Vježba gađanja. Drhti Gavrilova ruka). Речь идет о том, как именно одно слово становится кодом, отсылающим к определенному локусу / топосу. Например, существительное «выстрел» (о чем пишет Рэбихич в своей статье) встречается во второй строфе стихотворения «И другие пели о городе» из «Сараевского сборника». Оно безошибочно отсылает к «сараевскому выстрелу». Поэт не только ссылается на исторический факт, в то же время слово «выстрел» служит поэту для сопоставления двух точек зрения — внутренней и внешней, воссоздает восприятие Сараева и Боснии с позиции иностранца как топоса инаковости, другого. Сидран воспроизводит этот *негативный стереотип о Сараеве* как о *Темном вилаете*, где убивают престолонаследников, используя немецкий язык: «Oh mein Liebe Gott» и неверное согласование в боснийском языке: «этот Босния» и «этот варвары».

Формируя идентичность на границе миров, Сараево в свой культурно-исторический архив впитывает различные «тексты» (высказывания), которые осуществляют свою видимую реализацию в топографии и архитектуре города (Радович 2013). На идентичность Сараева также влияют самые разные исторические, экономические, политические, философские и литературные тексты, которые «наслаиваются», перетекают друг в друга, создавая своего рода сараевский палимпсест¹⁶.

15 *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. С. 60.

16 *Rebihić N.* “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana. S. 187–188.

Таким образом *сараевский текст* становится топосом исторических разломов, свидетельств и воспоминаний, топосом, у которого есть своя собственная история, преемственность и свои мастера... Несмотря на то, что речь идет о дискурсивной репрезентации города, у Сараева, однако, нет фантазмагорического ореола Петербурга.

В книгах «Сараевский сборник» (Sarajevski zbornik, 1979, 1991, 1997, 1999, 2006 гг. изданий, избранные стихотворения), «Сараевский табут» (Sarajevski tabut (tabut = гроб, ящик), 1993, 2004) и «Мория» (Morija, 2006), поэт стремится «синтетически представить мифопоэтический образ Сараева и исторически сформированные представления о Сараеве, опираясь, конечно, на многочисленные исторические, экономические и политические тексты, создавшие образ Сараева, тексты, которые и определили дискурс о Сараеве»¹⁷. Хотя все сборники связаны топосом, пространством конкретного города, все-таки он отображен и художественно оформлен по-разному. Как утверждает Рэбихич, «в “Сараевском сборнике” Сидран тематизирует Сараево как мегаполис, как город отчетливого исторического измерения», а в «Сараевском табуте» и «Мории» Сараево «представлено [...] как некрополь — пространство смерти»¹⁸.

Три поэтических сборника А. Сидрана о Сараеве как мегаполисе и некрополе можно рассматривать и как попытку преодоления очередной исторической катастрофы, и как ответ смерти и гибели. Своеобразный ответ на вопрос, возможно ли искупление в таком контексте, мы находим в сборнике «Мория». Смерть как бы получает имя собственное, многозначное, потому что отсылает и к библейскому контексту (место жертвоприношения Авраамом Исаака — гора Мориа), отсылает и к мифологии славянской (Мара, Морена, Морана, варианты имени Мория, богини смерти), и мифологии европейской (Мория — злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны) и т. д. И это последнее значение (Мория как злой дух, насылающий кошмар) крайне любопытно, потому что одним и тем же стихотворением Сидрана — «Кошмар» (Mora) — открываются два сборника, и «Сараевский сборник» и «Сараевский табут», как бы объявляя и предвосхищая «Морию»; одно стихотворение о страшном кошмаре предвещает приход Мории как будущего города, будущего мира и планеты. Посмотрим, какой это кошмар:

17 Ibid. S. 190.

18 Ibidem.

Кошмар

Что ты делаешь, сынок?

Я вижу сон, мать. Я вижу сон, мать, будто я пою,
а ты спрашиваешь меня, во сне моем: что ты делаешь, сынок?

О чем во сне поешь, сынок?

Пою, мать, о том, что у меня дом был.

А сейчас у меня дома нет. Об этом пою, мать.

Что у меня, мать, голос был, и язык свой был.

А сейчас ни голоса, ни языка у меня нет.

Голосом, которого у меня нет, на языке, которого у меня нет.
о доме, которого у меня нет, я песню, пою, мать¹⁹.

Если «Сараевский сборник», где Сараево представлено как тоπος мегаполиса, представляет собой своеобразный тезис, а «Сараевский табут», в котором Сараево представлено как тоπος некрополя — своеобразный антитезис (с темами урбицида и всеобщей гибели), то сборник «Мория» является синтезом, представленным в знаке последствий противостояния смерти и гибели. «Мория» как синтез — это и залог бессмертия и преодоления смерти, ибо бессмертно то, о чем есть свидетельство.

В заключение можно сказать, что если *сараевский текст* представляет собой мозаику переплетений всех литературных (ре)презентаций, эстетических проекций и художественных образов города Сараева, то поэзия Абдулаха Сидрана, которая говорит город(-у) и говорит о городе Сараеве, представляет своего рода *mise-en-abîme* (рус. *мизанабîм*) *сараевского текста*, то есть — его поэзия является частью *сараевского текста*, который «отражает некий конститутивный аспект его целого»²⁰, точно так, как *сараевский текст* представляет собой *mise-en-abîme боснийского текста*, создаваемого такими художниками, как Иво Андрич, Мэша Селимович, Скэндэр Кулэнович, Мак Диздар, Нэджад Ибришимович, Джэвад Карахасан и многие другие...

¹⁹ Перевод: Адията Ибришимович-Шабиц.

²⁰ Определение понятия *mise-en-abîme (bezdanosti)* см. в: *Biti V. Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije*. Zagreb, 2000. S. 31.

Источники и литература

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство—СПБ, 2003. 612 с.

Biti V. *Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije.* Zagreb: Matica hrvatska, 2000. 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. 693 s.

Dželilović M. Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana // *Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.* Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture “Preporod”, 2011. S. 3–8.

Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva // *Crtice iz historije*, 30. 1. 2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivac-sarajeva/> (accessed: 13.09.2021).

Kodrić S. *Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti.* Sarajevo: Slavistički komitet, 2012. 496 s.

Rebihić N. “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana // *Pismo. Časopis za jezik i književnos.* 2014. God. 12. S. 186–204.

Sidran A. *Morija.* Sarajevo: Biblioteka Bosna, 2006. 72 s.

Sidran A. Odabrana poezija — Abdulah Sidran // *Sarajevske sveske* № 15–16, 2007. S. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (accessed: 21.09.2021)

Sidran A. *Sarajevska zbirka i druge pjesme.* Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999. 128 s.

Sidran A. *Sarajevski tabut.* Sarajevo: Biblioteka Dani, 2004. 144 s.

References

Biti, V. *Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije.* 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. Zagreb: Matica hrvatska, 2000, 693 p.

Dželilović, M. “Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.” *Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.* Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture “Preporod”, 2011, pp. 3–8.

“Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva.” *Crtice iz historije*, 30. 1. 2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivac-sarajeva/> (accessed: 13.09.2021).

Kodrić, S. *Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti.* Sarajevo: Slavistički komitet, 2012, 496 p.

Rebihić, N. “«Sarajevski tekst» u poeziji Abdulaha Sidrana.” *Pismo, Časopis za jezik i književnost*, godište 12. Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2014, pp. 186–204.

Sidran, A. *Morija.* Sarajevo: Biblioteka Bosna, 2006, 72 p.

Sidran, A. “Odabrana poezija — Abdulah Sidran.” *Sarajevske sveske*, no 15–16, 2007, pp. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (accessed: 21.09.2021)

Sidran, A. *Sarajevska zbirka i druge pjesme*. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999, 128 p.

Sidran, A. *Sarajevski tabut*. Sarajevo: Biblioteka Dani, 2004, 144 p.

Toporov, V. N. *Peterburgskii tekst russoi literatury*. St Petersburg: Iskustvo–SPB, 2003, 612 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

A. Ibrišimović-Šabić, J. Bavrka

“You can’t live in Sarajevo”: The Sarajevo text vs The Petersburg text on the example of the poetry of Abudalah Sidran

Adijata Ibrišimović-Šabić

Doctor of Literary and Historical Sciences, professor

University of Sarajevo

71000, Franje Račkog 1, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

E-mail: adijata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba

Jelena Bavrka

Master, assistant

University of Sarajevo

71000, Franje Račkog 1, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

E-mail: jelena.bavrka@ff.unsa.ba

Citation

Ibrišimović-Šabić A., Bavrka J. “You can’t live in Sarajevo”: The Sarajevo text vs The Petersburg text on the example of the poetry of Abudalah Sidran // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 279– 292 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

Received: 10.01.2022.

Abstract

Unlike the Petersburg text, the genesis and structure, the language and authors of which are well studied and theoretically substantiated thanks to the works of the Tartu-Moscow school and the fundamental research of V. N. Toporov, the Sarajevo text and its theoretical basis are still in their infancy. Despite the fact that an incredible number of texts have

been written about Sarajevo as a city, its architecture, history, culture, streets, etc., and the fact that it is also present in the oral tradition, the Sarajevo text as a term that could unite the texts about this city in their semantic and semiotic connection is still not generally accepted. The article deals with the Sarajevo text and the poetry of A. Sidran: his three central collections (*Sarajevska zbirka*, *Sarajevski tabut*, *Morija*) describe the city as a space of history, culture, memory and testimony. Sidran's opus prompted researchers to realize the importance of studying the genesis and structure of the Sarajevo text, which indicates the need to define this term in a broader sense. Consequently, the poetics of the city of Sidran for the Sarajevo text is the same as the works of Dostoevsky are for the Petersburg one, according to Toporov.

Keywords

Sarajevo text, Petersburg text, poetry of Abdulah Sidran, topos of the city of Sarajevo.